

Оба они — щека к щеке — о чём-то шептались, переговариваясь и улыбаясь. Сун Юй вспоминал прошлое: всё оно состояло из нежного Цзян Цинъюэ, который ходил за ним по пятам и улыбался так ярко и безмятежно, словно цветущий лотос. Но теперь... Сун Юй сжал бокал с вином сильнее. Этот уход без прощания оказался сплошным обманом со стороны Цзян Цинъюэ, к тому же тот прекрасно знал, что дороже всего на свете Сун Юю был Е Хэньжань.

Цзян Цинъюэ мстит. Наверняка мстит. Он испугался, что его бросят, поэтому переметнулся к Е Хэньжаню и сегодня вечером явился сюда, чтобы самодовольно продемонстрировать своё превосходство.

Однако чей-то голос в глубине души тихонько шептал: «Нет, всё совсем не так».

Завидует ли он тому, что Е Хэньжань может открыто и законно обладать Цзян Цинъюэ, или ревнует к тому, что Цзян Цинъюэ заслужил благосклонность Е Хэньжана? Столкнувшись с проблемами, люди порой ведут себя точь-в-точь как страусы, прячущие головы в песок. Сун Юй не знал ответа и знать не желал.

Заметив, что Цзян Цинъюэ обменялся с кем-то парами слов и направился к выходу, Сун Юй осушил свой бокал, бросил взгляд на полупьяную компанию вокруг и, не колеблясь, последовал за ним.

Пройдя через несколько длинных коридоров, Цзян Цинъюэ отыскал запасной выход и, усевшись на лестничной клетке, тяжело и облегчённо выдохнул. Шумный, пестрящий яркими огнями мир остался снаружи, и этот тихий проход стал для него лучшим утешением и надёжной гаванью.

Цзян Цинъюэ поднялся на ноги, собираясь найти местечко с окном, чтобы немного подышать свежим воздухом, как вдруг, стоило ему повернуться, он заметил у себя за спиной какую-то тёмную фигуру.

— Кто там?! — Цзян Цинъюэ испуганно вздрогнул, а разглядев Сун Юя, успокаивающе похлопал себя по груди. — Ой, это ты. Ходишь бесшумно, чуть до инфаркта меня не довёл.

— Считаешь, что месть — это так забавно, да? — на лице Сун Юя наконец проступило безумие. Он крепко схватил Цзян Цинъюэ за запястье с такой силой, с какой только что раздавил бокал в комнате. — Ты знал, как сильно мне нравится Хэньжань, и всё равно шёл по головам, лишь бы подобраться к нему! Но запомни раз и навсегда: ты всего лишь игрушка!

Увидев шок в глазах Цзян Цинъюэ и его покрасневшие от гнева веки, Сун Юй вдруг осознал, какую страшную чушь нёс только что, совершенно не похожий на самого себя — вежливого и учтивого в прошлом.

Но он не мог стерпеть. Одно лишь зрелище того, как Цзян Цинъюэ улыбается кому-то другому, доводило его до иступления и дикой ревности, которую он был не в силах сдерживать.

— Я изначально игрушка, и мне не нужны напоминания господина Суна, — не остался в долгу Цзян Цинъюо, нанося ответный удар. — Игрушка — и что с того? А ты сам по сравнению со мной чем лучше и благородней? Столько лет сохнешь по Е Хэньжаню, а он хоть раз посмотрел на тебя по-человечески? Разве ты сам не унижался, не бегал за ним как собачонка, готовый лизать ему пятки!

— Какой же у тебя острый язычок! Раньше я этого не замечал, — Сун Юй от ярости рассмеялся. — А ну исчезни с глаз Хэньжана! Немедленно!

— С какой стати? Это ведь ты тогда без малейших колебаний выбросил меня, так что теперь не тебе указывать, — Цзян Цинъюо дерзко взметнул брови. — Я человек господина Е, и слушаюсь только его приказов.

Какое же зелье приворотное Е Хэньжань ему подлил? Сам-то бросал его без капли сомнений, решительно и холодно. Сун Юй метался в полном смятении, а туго натянутая струна в его голове давно лопнула: — Ты и впрямь думаешь, что Хэньжань любит тебя по-настоящему?!

Цзян Цинъюо закусил уголок губ и упрямо бросил: — Я предпочитаю оставаться рядом с ним. Как бы то ни было, к тебе это не имеет никакого отношения.

— Твоё ничтожное тело так сильно нуждается в мужиках? И дня прожить не можешь без ласки. Хватит строить из себя невинную целомудренную недотрогу — то, как ты извивался подо мной, я помню до мельчайших деталей!

Да что это вообще за сценарий в этой части, чтоб его разорвало?! Что за диалоги из бульварных мыльных опер про богатых генеральных директоров? И если уже в первом томе такая дичь, то чего ждать дальше?

У Цзян Цинъюо от боли в пояснице захотелось умереть прямо здесь и сейчас.

— Не твоё дело! Я лучше позволю Е Хэньжаню затаскать и заездить меня до полусмерти, и то буду счастли!

[Динь~ Значение помрачения Цели захвата № 1 увеличилось на 30, текущая симпатия — 93, значение помрачения — 50.]

[Динь~ Значение симпатии Цели захвата № 2 увеличилось на 20, текущая симпатия — 40.]

Чего? Цзян Цинъюо опешил от череды механических звуков в голове, и только когда Сун Юй прижал его к стене так сильно, что спина горела от трения, он пришёл в себя, встретившись взглядом с бездонными, мрачными глазами.

— Раз так, — плотно сжатые губы Сун Юя чуть дрогнули, — тогда я сам займусь тобой.

Займёшься ты своей лысой тыквой, вонючий гей, держись от него подальше!

Психическое состояние Сун Юя сейчас явно было не в норме, и Цзян Цинъюэ хотел вырваться, но помимо воли оказался накрепко заточён в его объятиях: — Я... мне пора возвращаться, отпусти меня немедленно!

— Любой может удовлетворить тебя, почему не я?! — лицо Сун Юя исказилось от безумия, а его руки, казалось, готовы были впиться в плоть и кровь юноши. — Всё, чего ты хочешь, я могу тебе дать.

— Отпусти его.

Голос, холодный и резкий, как пронизывающий северный ветер, донёсся из-за спины. Увидев, кто приближается, Сун Юй вмиг растерпел весь свой вид: краски схлынули с его лица, и оно сделалось бледным, словно колеблющийся в ветвях за окном лунный свет, точно у ребёнка, пойманного за неблагоприятным поступком.

— Хэньжань, я...

Цель захвата номер один уже превратилась в сумасшедшего психопата, настоятельно рекомендуется Системе отправить его на переработку и гуманную утилизацию. Увидев своего спасителя, Цзян Цинъюэ тут же мелкою трусцой подбежал за спину Е Хэньжана и принялся растирать ноющую руку — к гадалке не ходи, там наверняка остался багровый синяк.

— Сун Юй, сейчас он мой человек, знай меру, — Е Хэньжань без следа фальши заслонил Цзян Цинъюэ собой. — Разве у тебя мало других любовников на ночь? К чему измываться над ним.

Цзян Цинъюэ яростно закивал: именно так, именно так, всё же вторая цель куда адекватнее.

Заметив испуг на лице Цзян Цинъюэ, Сун Юй с трудом подавил бушевавшую внутри ярость.

— Прости.

— Я лишь намекнул тебе бросить Цзян Цинъюэ, создав у тебя ложное впечатление, будто мы можем быть вместе, а в итоге Цзян Цинъюэ оказался рядом со мной, — прямо заявил Е Хэньжань. — Признаю, я действительно играл тобой.

Разве Сун Юй не понимал истинных мотивов Е Хэньжана? Но тот не смел заставить своего белого лунного света страдать, поэтому предпочёл позволить им с Цзян Цинъюэ взаимно истязать друг друга.

— Позднее я понял, что на самом деле не так уж против однополых отношений, — Е Хэньжань

вытянул стоявшего за его спиной парня вперёд. — Так что теперь ты можешь сделать выбор: я или он.

В этот миг сердце ухнуло куда-то в горло. Цзян Цинъюэ подавил подступивший к комком в горле стон: если эти две цели захвата сейчас сойдутся и начнут ворковать друг с другом, ему-то здесь какое место останется?

Стоп, мать вашу, а что за показатель помрачения только что выдала Система?!

[Динь~ Значение помрачения — это мера того, насколько сильно психика Цели захвата разрушена и переключается на тёмную личность. Когда значение помрачения достигнет 100, Цель захвата падет на дно преступного мира, окончательно утратив человечность и разум ♂.]

У Цзян Цинъюэ от ужаса сжалось всё внутри и нахмурились брови: звучало это откровенно скверно.

— Я выбираю... — Сун Юй смотрел на стоящих перед ним двоих, слившихся воедино словно в каком-то бреде, и на сей раз предпочёл прислушаться к голосу собственного сердца. — Цзян Цинъюэ.

— Ха-ха-ха, разумеется, — Е Хэньжань ни капли не удивился, напротив, он даже рассмеялся. — Я лишь предложил тебе сделать выбор, но не говорил, что уступлю его тебе. Спусти столько лет ты всё так же донельзя глуп. Никто и никогда ничего тебе не обещал, но ты всё равно словно умалишённый тащишься за мной. Жалкое зрелище.

Насмешки резали острее лезвий, раз за разом кромсая сердце Сун Юя. Человек, которого он безответно любил столько лет, ни в грош его не ставил. Сун Юй прекрасно это понимал, но он так отчаянно нуждался в духовной опоре, что вложил все свои представления о прекрасном в Е Хэньжана, наивно веря, что тот станет его спасением.

<http://bllate.org/book/19949/1964071>